

*Рону — за то, что всегда читал мои
первый и последний черновики — и все,
которые были между ними.*

*Памяти Шедоу, чьи путешествия на
протяжении всей жизни приводили его
в самые разные места — и однажды
привели даже к берегам Орана.*

1

АНРИ

— Простите, но, по-моему, вы сели на мое место. Анри поднимает взгляд на пассажирку, молодую женщину лет двадцати пяти, которая смотрит на него с некоторым подозрением, сжимая в руках кожаную сумку. Женщина обратилась к нему по-английски, и он никак не может придумать правильный ответ, слова всплывают у него в голове и тут же ускользают. Какая нелепость — он же знает этот язык как родной. И все равно он не готов, его застигли врасплох. Вот бы сейчас было раннее утро, он сидел бы в “Метрополе” и у него еще оставалось время.

Анри достает билет и делает вид, что изучает его.

— Смотрите, вы должны сидеть вон там, — говорит молодая женщина, указывая рукой в перчатке на сиденье напротив.

Она элегантно одета — черные брюки и блузка. Худощавую фигуру частично скрывает шерстяное пальто, и когда она наклоняется, большие золотые пуговицы звякают друг о друга. Анри еще не привык

к женщинам в брюках, но думает, что ей такой наряд почему-то идет.

— Да, точно, — отвечает он, спохватившись, что так до сих пор ничего и не сказал. — Прошу прощения.

— А, так вы говорите по-английски, — произносит она с облегчением. — Вот и славно.

Она улыбается — натянуто, скупо, — и он замечает, что верхний зуб с левой стороны у нее кривой; когда она была маленькой, ее родители, наверное, из-за него переживали. Но и это ее не портит.

Он встает, указывает на ее сумку:

— Вы позволите?

— Нет, спасибо, пусть пока побудет при мне.

Анри уверен, что ее пальцы незаметно сжимают ручку.

Он кивает:

— *Bien sûr**.

Они садятся друг напротив друга. В купе душно. Он видит, как она ставит сумку на сиденье рядом с собой, и ему кажется, что он чувствует запах пассажиров, которые ехали здесь до них. Когда-то в таких поездах строго блюли стандарты — крахмальные салфетки, до блеска натертая латунь, — но теперь на лампах пятна, на обивке сидений зацепки. Интересно, когда здесь в последний раз мыли окна?

Еще один пассажир подходит к их купе, заглядывает внутрь и уходит.

— Надеюсь, к нам больше никто не подсядет, — говорит она, глядя вслед незнакомцу, исчезающему в коридоре.

* Конечно (*фр.*).

— Если так, давайте поменяемся местами, — отвечает он и спешит пояснить, спотыкаясь на словах, которые мысленно переводит: — Когда я сижу в поезде против движения, то чувствую себя странно — как будто сам не свой.

— Вы имеете в виду, вам нездоровится? — переспрашивает она, заправляя прядь волос за ухо. — По моему, об этом есть поговорка. Что-то насчет того, чтобы не жить прошлым, а смотреть в будущее.

— Английская поговорка? — Она в ответ лишь пожимает плечами, и он уточняет: — Но вы же из Англии, *n'est-ce pas?**

Она кивает:

— Из Лондона. С юга от Темзы. — Она делает паузу, изучает его взглядом. — А вы, полагаю, из Франции?

— Я француз, — подтверждает он и, немного помывшись, добавляет: — Из Алжира.

По ее лицу пробегает тень. Он не знает, уж не померещилось ли ему, убеждает себя: наверняка померещилось; что может знать эта молодая женщина о стране, в которой он родился, о ее внутренних раздорах, о ее борьбе за независимость? Она бормочет что-то утвердительное — но нет, он вдруг осознает, что понял ее неправильно, она сказала совсем другое слово, *Оран*. Она прошептала название его родного города. Он вспоминает о том, что случилось почти две недели назад.

Должно быть, она что-то прочла в его глазах, потому что натянуто улыбается и говорит:

* Не так ли? (*фр.*)

— Видимо, я угадала. — Повернувшись к окну — дыхание туманит стекло, — она продолжает: — Мне однажды посоветовали там побывать.

Дар речи возвращается к нему.

— *Vraiment?**

На мгновение — чуть дольше — он решает, что больше она ничего не скажет. Не заметив ни намека на то, что она намерена продолжить, он готов уже откинуться на спинку сиденья и отвернуться — пожалуй, с разочарованием, понимает он, — как вдруг она переводит взгляд на него и говорит:

— Да. Мне сказали, что из окна в северной стене форта Санта-Крус открывается особый вид, лучший во всем городе. Мне пришлось бы взять напрокат автомобиль — я не смогу подняться туда по канатной дороге, я боюсь высоты. Но я хотела бы когда-нибудь это увидеть. Этот бескрайний синий простор. — Она замолкает, переводит дыхание. — А потом я поехала бы на машине за город, нашла бы кафе с видом на горы и море и заказала там *créponné***.

Он чувствует на языке остроту лимона, сладость сахара. Вкус детства, который по-прежнему с ним, даже в изгнании.

Она поворачивается к нему:

— Даже не верится, что так бывает, *n'est-ce pas?*

Он медлит с ответом.

— *Oui*. Особенно в такую погоду.

Оба поворачиваются к окну, где в тумане холодно-го утра не видно солнца.

* Правда? (фр.)

** Лимонный сорбет, традиционный алжирский десерт. — Здесь и далее примеч. перев.

— Кстати, меня зовут Луиза. Луиза Барнард. — Она чуть подается вперед, сокращая расстояние между ними, и протягивает руку. — Можете называть меня Лу — меня все так называют.

— Правда? — говорит он. Ему кажется, что это имя ей не подходит.

Она не отводит взгляда.

— Да.

— Анри, — отвечает он, тоже подаваясь навстречу, и пожимает ей руку. — Приятно познакомиться.

Они не сразу выпускают ладони друг друга.

— Не возражаете? — спрашивает она, указывая на закрытое окно. Достает из кармана пальто пачку “Житан”. Ему кажется, что у нее слегка дрожат руки.

— Нет, конечно, нет. Давайте я. — Он встает, открывает окно и замечает, что она так и не сняла пальто. — Вы долго пробыли в Белграде? — спрашивает он, снова садясь.

Она запрокидывает голову, выдыхает дым.

— Всего пару дней.

Их прерывает проводник. Анри достает из кармана пальто билет и паспорт. Проводник изучает их и кивает. Поворачивается к молодой женщине, которая, в свою очередь, открывает небольшую кожаную сумку, вытаскивает билет и паспорт и протягивает ему. Проводник переводит взгляд с паспорта на женщину и опять кивает — по-видимому, удовлетворенный.

— *Hvala vam**, — говорит он и выходит.

Они устраиваются поудобнее. Вагон дергается, струя пара со свистом вырывается в воздух. Ни он, ни

* Спасибо (серб.).

она не поворачиваются к окну, к платформе, не смотрят в коридор, на проходящих время от времени пассажиров и носильщиков, везущих за собой багаж.

Они смотрят друг на друга.

В наступившей тишине, пока они ждут отправления поезда, Анри не вспоминает о последних двух неделях, не упоминает Гранаду, Париж и те минуты, пусть даже короткие, которые они там пережили вместе. Она, в свою очередь, не говорит о том, что случилось в Белграде. Между ними как будто устанавливается взаимопонимание, негласное соглашение, в соответствии с которым они будут притворяться — по крайней мере, пока, — что прошлого не существует. Что в этот самый момент, здесь, в этом самом вагоне, они встретились впервые. Однако, откидываясь на спинку сиденья и чувствуя, как поезд начинает движение, Анри думает, как же ему жаль — и как это в самом деле досадно, — что все, что с ней связано, — ложь.

ПРЕЖДЕ

Чаще всего ему снился запах *crêponné*. Этот знакомый аромат карамели, витающий в воздухе, такой сильный, что он почти ощущал на языке предвкушение кислоты лимона, почти верил — в те мгновения, пока еще толком не проснулся, — что он вернулся домой. Что стоит только открыть глаза, и его взгляд встретит выходящие на ажурный балкон французские окна, в которые льется яркое североафриканское солнце, — в зависимости от того, с какой стороны дует ветер, от времени суток и от колыхания бугенвиллеи.

Анри открыл глаза.

Проснувшись в другой стране, на другом континенте, он позволил себе еще ненадолго окунуться в воспоминания, лежа в постели. И действительно вспомнил все: поездки на автомобиле на пляж и в Типазу, чтобы погулять среди римских руин и вообразить себе то, что было здесь раньше. Запахи дизеля, раскаленного песка и оливковых деревьев, выжженные в его памяти и переплетенные так, что один не

мог существовать без другого. Он вспомнил, как ходил в кино с друзьями, а вот был это “Бальзак” или “Эскуриал”, вспомнить так и не смог, и образ ковра, темно-красного с цветочным узором, навсегда запечатлелся в его сознании вместе с зернышками попкорна, которые уронила девушка-лоточница. Он вспомнил ресторан неподалеку от города, куда отец водил их, когда бывал в особенно хорошем настроении. Этот ресторан ютился на склоне холма, синева Средиземного моря, уходящего в бесконечность, подчеркивала белизну его стен, и все вокруг было пропитано сосновым ароматом. И солнце, вечное солнце, сияющее так ярко...

Только перед ним было уже не солнце, а сияющий шар, который обжигал и ослеплял, и он был уже не на улице, а в маленькой комнате, тесной и грязной, погруженной в темноту, если не считать этого единственного источника света. Пот собирался на коже, стекал по вискам, скатывался по спине. Крики, вопли — демонстранты, он это знал, — доносившиеся снаружи, то усиливались, то затихали, но было и что-то еще. Выстрелы, подумал он, хотя это было трудно определить, трудно разобрать сквозь толстые стены. И тут что-то заскрежетало, хотя он не мог точно понять где. Скрежет был громче всех остальных звуков, как будто, что бы это ни было, оно происходило прямо у него над ухом, но когда он провел рукой по щеке, то не почувствовал ничего, кроме воздуха. Он поднял голову, шурясь от яркого света.

Два широко раскрытых глаза обвиняюще уставились на него в ответ.

Анри вздрогнул и очнулся, весь мокрый от пота. Он видел перед собой комнату, пустую и невзрачную.

Видимо, он заснул. Значит, это всего лишь сон, ночной кошмар. Оран за сотни миль отсюда, а его воспоминания за этот промежуток между “тогда” и “сейчас”, который длился уже больше года, с каждым днем слабели.

Сны, кошмары — все, что у него осталось.

Не в силах заснуть, Анри сбросил одеяло и решил, что не спеша пойдет в Альгамбру, где он должен быть через несколько часов, чтобы забрать деньги.

Он быстро умылся над крошечной раковиной, стоявшей в углу комнаты. Вытирая пот, он посмотрел в зеркало, на свое отражение, глядевшее на него в ответ, и вспомнил эти глаза из кошмара. Он привык к ним — к кошмарам, не к неотвязно преследующим его глазам — настолько, насколько вообще возможно привыкнуть к неопределенности. По крайней мере, он знал, чего ожидать. Повторения того дня, того самого, который в конце концов убедил его уехать и порвать с прежней жизнью раз и навсегда, потому что жизнь, которой он жил, внезапно перестала его устраивать. Иногда он задавался вопросом, когда это произошло, но сам понимал, что все менялось постепенно, день за днем, месяц за месяцем, так что до поры до времени ему удавалось прогибаться и приспособливаться, закрывая глаза на правду. Притворяться было так легко — а потом стало невозможно.

Когда он вышел из дома, было еще рано, солнце должно было взойти только примерно через час, но он решил, что откладывать нет смысла. Он отправится в крепость тринадцатого века и выполнит работу,

порученную ему людьми, которым он не мог сказать нет. Не из-за угроз, принуждения или того, чего можно ожидать в подобных случаях, а потому что они кровные родственники, а это означает определенную ответственность, преданность, которую нельзя не принимать в расчет, и потому что он не смог придумать причину для отказа, когда они впервые попросили.

В этот час улицы были еще пусты. Анри перешел на другой берег реки Дарро, окружавшей крепость, не встретив ни одного человека. Ему была по душе эта пустота. Гранада всегда казалась такой многолюдной, такой полной жизни, что в последнее время он отчаянно нуждался в тишине, в просторе. Он продолжал подниматься по крутой дорожке мимо домов, дыша все тяжелее и чаще. Пахло кипарисами. У самого верха он остановился. Он никогда раньше не видел крепость вблизи, только снизу. Так странно вдруг очутиться с другой стороны. В скудном утреннем свете, глядя вниз, он почти понимал, почему люди влюбляются в этот город.

Когда они жили в Алжире, его мать почти не рассказывала о месте, где она родилась. С другой стороны, она почти не рассказывала и о своем прошлом в Оране, в том числе о том, как жила со своей семьей в еврейском анклаве города, — “сначала было хорошо, а потом пришли французы и стало лучше, а потом намного хуже”, — и о том, как познакомилась с его отцом — “в городе”, — и об их романе — “мы поженились, и я переехала к твоему отцу во Францию”.

О своей родной стране она помнила немного, только слабый аромат цветущего апельсинового дерева — она была совсем еще ребенком, когда ее семья

бежала из Испании, — но иногда, особенно когда они с Анри вместе сидели в тепле кухни, она разговаривала с ним по-испански, и он выучил достаточно, чтобы понимать язык и говорить на нем. Именно из этих разговоров Анри узнал, что у него есть тетка, сестра матери, что они росли в Ороне вместе, но тетка вышла замуж за испанца, который увез ее обратно на родину. Имени мужа мать не назвала, а когда Анри спрашивал, только хмурилась и качала головой, пока в конце концов он не перестал упоминать этих родственников вообще.

Когда он задавал матери вопросы о ее прошлом, она рассказывала о Франции и о родном городе его отца. Все ее воспоминания за пределами Орона были связаны исключительно с Марселем, куда они отправились на медовый месяц и где неделю ели буйабес и *moules marinière** и пили пастис в барах на берегу Средиземного моря. Отец, родившийся в Марселе, презирал его за уныние и грязь, но мать описывала этот портовый город так, как другие могли бы описать Париж, хвасталась соседям, что ее семья из Марселя, и никогда не замечала недоумения на их лицах после такого признания. “А со здешним портом что не так?” — возмущался отец, на что она восклицала: “Это же не море!” — и между ними неизменно вспыхивал оживленный спор о том, на берегу Средиземного моря или нет расположен порт Орона и не все ли равно, если это одно и то же.

Вскоре Анри понял, что так у них было принято говорить о важных вещах — говоря о неважных.

* Мидии в соусе на основе белого вина и лука (*фр.*).

Казалось, что единственной частью прошлого, которую его мать забрала с собой, было приготовление дафины* на шаббат. Больше никаких религиозных предписаний она не соблюдала, но каждую пятницу вечером подготавливала картошку, мясо и нут и относила их в местную пекарню в кастрюле, на которой было нацарапано ее имя, чтобы никто ее случайно не забрал. Хотя на самом деле в этом не было необходимости, поскольку в их части города очень мало кто готовил дафину. Каждую субботу по утрам Анри ходил с ней в пекарню за готовым блюдом, которое томилось всю ночь на медленном огне в соответствии с особыми указаниями его матери. Тем не менее она никогда не бывала довольна. Дафина то слишком сухая, то слишком холодная; печь, наверное, плохо работает, так что надо бы найти другую пекарню.

Анри казалось, что он понимает, почему матери так важно, чтобы блюдо получилось безупречным, понимает, что она имеет в виду, когда произносит эти слова вместо тех, которые на самом деле хочет произнести.

Он остановился и посмотрел на Альгамбру, гадая, делала ли то же самое его мать. Она никогда не упоминала об этом волшебном, легендарном месте. Хотя ее молчание его не удивляло. Судя по всему, это было в ее характере — оставлять прошлое позади.

Анри жалел, что ему не удалось унаследовать от нее эту способность.

* Марокканское еврейское блюдо, которое обычно подают по субботам на шаббатный обед, тушенная говядина с рисом, нутом, картофелем и яйцами.

Эта работа — забирать деньги, явно добытые незаконным путем, — срок выполнения которой медленно, но неуклонно приближался, появилась у него так, как появляется большинство вещей подобного рода. А именно не сразу и как-то само собой.

После прибытия в Гранаду Анри снял квартиру рядом с теткой, хотя общаться с ней изначально не собирався, — той самой, о которой его мать упомянула однажды в детстве и больше никогда не говорила, но которую в конце концов он все же разыскал, надеясь найти что-то знакомое, за что можно зацепиться, и мечтая, чтобы его жизнь пошла по тому же руслу, что и в Оране. Приятно было попасть в семью, стать частью целого. Не оставаться совсем одиноким. Тетя познакомила его с остальными родственниками. Ее муж давно скончался, но у них были дети, и у Анри создавалось такое впечатление, будто каждый раз, когда он приезжал к тете, его знакомили с очередным сыном, сыном этого сына или еще каким-то дальним родственником. Анри вырос в маленькой семье, только он и родители, а потому никак не мог запомнить все имена, сообразить, с кем он сейчас разговаривает и какое место этот человек занимает на его генеалогическом древе.

Вскоре воскресные обеды у тети стали обычным делом, как и походы с двоюродными братьями в бар за углом, где канья* стоила дешево и где он не чувствовал себя слишком виноватым, тратя последние деньги, спрятанные под половицами в квартире, нагонявшей на него тоску. Прошло немало времени, прежде

* Небольшой стакан пива.

чем братья привыкли к нему. Когда он пришел к тете впервые, то сразу ощутил их недоверие: напряженные плечи, прищуренные глаза. Анри сел за стол и кивнул, и тут один из братьев поднял брови и спросил: “*Policia?*” Вопрос был общий, так что Анри покачал головой, повысил голос, чтобы услышали все заинтересованные, и ответил по-испански: “*Ya no*, больше нет”. Он ничего не объяснял, позволив им заполнить пробелы самостоятельно. Какую бы историю они для себя ни придумали, — разумеется, добавив в нее те фрагменты, которые за эти годы узнала о нем тетя, — он не сомневался, что в ней есть доля правды.

Вскоре братья, судя по всему, привыкли к нему: то кивнут, то пожелают *buenas noches**. Мало-помалу они начали разговаривать с ним о прошлом, о деньгах, о работе. О будущем. Анри рассказывал о себе немного, но этого было достаточно. Они понимали то, чего он им не говорил, — любой человек имеет право на прошлое, понимали, что значит жить в чужой стране, когда нельзя даже помыслить о возвращении туда, откуда ты родом. В конце концов, когда они предложили одно дельце — ничего особенного, просто посылка, которую нужно забрать и отвезти в другое место, — он не колебался. Он привык выполнять приказы, прежняя жизнь его к этому приучила, и когда кто-то снова начал им распоряжаться, причем не просто кто-то, а члены семьи, он не возражал.

Задания были несложными, деньги легкими. У Анри всегда был напарник, иногда двое или трое, так что ничего не зависело исключительно от него. Братья

* Спокойной ночи (*исп.*).